

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 6–14, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.6
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 398.3

Information Bulletins of the Political Oversight Organizations as a Source for the Study of Contemporary Folklore (Meteorological Magic of 1920–1930s)

Natalya S. Petrova

Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies
Russian State University for the Humanities, Russian Federation
Off. 168, 6, Miusskaya Square, GSP-3, Moscow, 125993
E-mail: pena.talya@gmail.com

Abstract

The research is based on the material of the information bulletins of the Communist Party and the VChK-OGPU-NKVD' departments and memoirs of 1920–1930. Texts describing the meteorological magic rites in the Soviet countryside are analyzed. Comparative analysis of these practices and the pre-revolutionary tradition is carried out and changes in connection with the new socio-political context are identified.

Keywords: reports; popular meteorology; Soviet folklore; authority and society.

Информационные сводки партийных органов и органов ВЧК-ОГПУ-НКВД – это долгое время остававшиеся секретными документы о ситуации в стране (о политических настроениях населения, действиях и высказываниях в отношении власти и т.п.), предназначенные для узкого круга высших государственных и партийных чиновников. Массовые по территориальному (от докладов районных осведомителей до республиканских и общесоюзных обзоров) и временному (от ежедневных госинформсводок до ежемесячных и годовых аналитических справок) охвату, эти источники были крайне «малотиражными» – как правило, тексты распространялись лишь в нескольких десятках (а иногда и единицах) экземпляров с грифом «Совершенно секретно».

С 1990-х гг. расширились возможности работы историков в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, архивах субъектов Российской Федерации. Открытия (огромный массив структурированных документов о различных аспектах социально-политической жизни в СССР) и сложности (запутанная организация фондов, физическое состояние бумаг), ожидавшие «первооткрывателей», описали участники проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг.» [1]. Подборки информационно-аналитических сводок публиковались как в виде собраний документов по стране в целом [2, 3], так и в формате региональных сборников [4, 5].

К безусловным достоинствам этого исторического источника специалисты относят «огромный объем и дифференцированность информативного материала, поставляемого “наверх” органами политического контроля и расправы» [6]. В то же время немало нареканий со стороны исследователей вызывает, например, то обстоятельство, что данные документы «в основном отражают оценки общественных настроений со стороны соответствующих органов, а не сами эти настроения» [7], а также наличие общей схемы, которая ограничивала круг рассматривавшихся вопросов, и лаконичность языка, способствовавшая формированию повторяющегося набора стереотипных оценок и идеологических клише [8].

Содержится в сводках немало данных, крайне интересных и для фольклористики. Неизбежная в советский период идеологизация науки для исследований «народного творчества» вылилась в избегание пристального рассмотрения тех сторон традиционной культуры, которые не соответствовали «правильному» образу советского народа. В связи с этим, например, «народное православие» или магические практики зачастую игнорировались при собирании и анализе актуального фольклорного материала (см. об этом [9, 10]). При недостатке традиционных фольклорных записей (экспедиционных интервью и т.п.) информационные сводки, детально фиксировавшие многие моменты советской повседневности, в том числе и обрядовые практики или популярные фольклорные сюжеты, выступают в качестве важного альтернативного источника. Продуктивность их использования в фольклористических исследованиях показана в недавних работах: А. Архипова проанализировала советские вариации легенды о царе-избавителе на материале слухов, отмеченных осведомителями как контрреволюционные [11], а М. Мельниченко учел случаи упоминания в сводках политических анекдотов для своего масштабного систематизированного собрания [12].

В данной статье будут рассмотрены содержащиеся в информационных сводках 1920–1930-х гг. описания метеорологических магических практик в советской деревне. Народная метеорология – это совокупность представлений о сущности разнообразных погодных явлений и магических практик (в том числе и религиозных), направленных на управление погодой в интересах человека, т.е. создание благоприятных условий и избегание (реже – насыщение) всяческих бедствий [13].

С точки зрения рационализации сознания и борьбы с суевериями, провозглашенных с приходом советской власти, эта сфера крестьянского быта подлежала серьезной корректировке. Так, например, в резолюции XIII съезда ВКП(б) «О работе в деревне» (1924 г.) отдельно оговаривалось, что «антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, грозы, засухи, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т.п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды» [14]. Пропаганда осуществлялась путем чтения публичных научно-просветительских лекций, распространения брошюр и периодических изданий естественнонаучной направленности.

Журнал «Безбожник у станка» применял, например, такой способ дискриминации ненаучных взглядов, как «вызов»: в качестве конкурса всем желающим предлагалось при помощи молитв, заклинаний и т.п. выполнить некую формулу невозможного – вырастить из ржаного зерна гречиху [15] или вывести цыпленка из печеного яйца [16] (в этом «задании» использована поговорка «из печеного яйца живого цыпленка высидит» [17]). Дошла очередь и до метеорологии:

«Вызов Московского общества безбожников всем служителям культа и верующим. В тот день, когда на карте физической ленинградской обсерватории будет видно, что обширный циклон охватил запад России, крепнет ветер, идя в Ю-В направлении, усиливаются облака, – остановить циклон и заменить его сразу при помощи божественного изволения антициклоном т.-е. хорошей погодой. Способы колдования, молитвословия, заклинания безразличны. Премия – исполнение любого требования выполнившего конкурс» [18].

Щедрость вознаграждения дополнительно подчеркивала принципиальную невыполнимость условий спора. Сами же формулы имеют четкие аналогии в текстах «народной Библии» на сюжет посрамления неверующих путем сотворения чуда. Вспомним,

например, галицийскую колядку о еврее, заявившем, что Христос воскреснет не раньше, чем взлетит и запоет печеный каплун, что тут же и произошло [19], или вариацию этого сюжета в архангельской легенде:

«Он уж как святой, петушок. Когда разбойники вот Иисуса-то Христа распяли, пришли, сели за стол и петуха-то принесли, што как зажарен петух. Вот говорят, што Иисус Христос уйдет с распятия, а один разбойник говорит: «Как это уйдет? Он распятен. Вот петух зажарен, дак куда уйдет?» Говорят, петух вдруг склотыхнулся, захлестал этими вот, крыльями, и скукорекал. Да, жареный, вот из этого света и дорожат петушком-то» [20].

Если в приведенных текстах реализация формулы невозможного служит доказательством религиозного постулата, то в «вызовах» журнала «Безбожник» логика прямо противоположная: невозможность воплотить их в жизнь доказывает правоту атеистов.

Насколько эффективными были все означенные меры борьбы с т.н. «народными» верованиями? Привели ли они к полному отказу крестьян от магических метеорологических практик? И как в целом повлияла разоблачительная и запретительная политика властных элит на восприятие этого явления?

Информационные сводки органов политического надзора свидетельствуют о распространенности различных форм народной метеорологии в советском государстве в первые два десятилетия его существования (и до настоящего времени она является одной из продуктивных форм фольклора). Другие источники подкрепляют зафиксированные в сводках данные: в «письмах во власть», прессе и мемуарах также достаточно широко представлены похожие рассказы о попытках воздействия на погоду (в частности, борьбе с засухой) через молебны, крестные ходы, освящение водоемов и т.п. способы, известные и до революции (см., например, об этом [21]):

[Ростовская область, 1923 г.] «...Была сильная засуха. Хуторяне то и дело обращались к священникам церковей Степановки, Белогоровки и Позднеевки с просьбой отправить общественный молебен [...]. В конце июля приехал из Позднеевки священник со своими певчими и хоругвями, с иконами, и все население хутора вышло в поле. Дошли до ближайшей балки, где была криница. Там после моления стали обливать друг друга водой» [22].

[Казахстан, 1930-е гг.] «Вспомните, граждане православные, прошлое лето. Долго стояла засуха. Разгневался Бог, не дал дождя. Мы тогда без священника, с богородицей¹ пошли в поле, окропили его святой водой и Бог смилостивился — дождик полил на наши поля» [23].

[Одесская область, 1932 г.] «В колхозе “Красный яр” месяц тому назад явились попы из с. Арбузники [...]. Под влиянием этих же попов две колхозницы святили колодезь и собирали деньги для организации молебна на поле» [24].

Магические принципы, отраженные в приведенных примерах, вполне очевидны и традиционны. Обход полей с иконой и молебном носит охранительный характер и применяется не только в народной метеорологии, но также в случае многих других общественных бедствий [25]. Кропление страдающей от засухи земли святой водой можно трактовать двояко: с одной стороны, это имитативная магия, так как пролитая вода символизирует будущий дождь; с другой стороны, действует христианская апотропейная символика святой воды. Освящение колодца – это воздействие на водную стихию в целом через один наиболее доступный источник, т.е. магия гомеопатическая.

Чтобы выяснить, что нового появляется в метеорологической магии в советское время, сопоставим детали доступных описаний. Возьмем опять же тексты, рассказывающие о действиях во время засухи:

[Рязанский округ, 1930 г.] «В некоторых селениях устраиваются крестные ходы и молебны о дожде (май месяц был очень засушлив, что отразилось на посеве)» [26].

[1924 г.] «Угроза неурожая вызвала сильный рост религиозных настроений. Почти везде крестьяне приглашают попов для устройства молебнов и освящения полей; при этом в ряде губерний отмечается сильное озлобление действиями ячеек РКП и волисполкомов, не

¹ Имеется в виду икона.

дающими разрешения на устройство крестных ходов (Тамбовская губ., Донская обл. и т.д.)» [27].

В первом случае никакого взаимодействия с властью не предполагалось, магические практики совершались по устоявшемуся порядку, во втором же советская администрация выступает в качестве органа, санкционирующего ритуальные действия – дающего разрешение на устройство крестных ходов. Нельзя говорить о каких-то четких хронологических этапах, когда менялась степень «учитывания» новой власти при совершении традиционных действий. Скорее, здесь мы видим разные, но сосуществующие тенденции.

Следующие примеры затрагивает вопрос о том, что именно считалось грехом, за которым следует Божья кара в виде природного бедствия:

[Екатеринославская губерния, 1923 г.] «Духовенство развивает религиозную пропаганду. В Александрийском округе Троицким райисполкомом за незаконное опечатано 8 церквей. После этого выпал сильный град, уничтоживший около 20 тыс. дес. посева. Попы и антисоветский элемент истолковали это как божье наказание, что вызвало тревожное настроение крестьян» [28].

[Северный Кавказ, 1932 г.] «Засуха широко используется к.-р. элементом для а/с и религиозной агитации. В ауле Эрсаконе почетный старик, инспектор по качеству (быв. мулла, за к/р работу арестовывался ОГПУ) Петыжев Эльмурза говорил колхозникам: «Все стали коммунистами, безбожниками и аллах наказал нас, не дает дождей» [29].

[Северный Кавказ, 1932 г.] «В селах Верхний и Нижний Шир-Юрт группа колхозников организовала жертвоприношение, для чего собирались продукты. Та же группа занимается к/р антиколхозной агитацией: “Бог разгневался на колхозников и не дает дождя, если бы не было колхозов, то был бы дождь”» [30].

Разница между данными текстами – в осмыслении понятия греховности и причин, вызвавших божий гнев. Первый пример полностью вписывается в интерпретационный сценарий носителей массовой православной культуры: наказание в виде негативного природного явления, уничтожившего посева, пришло за недостаточное религиозное рвение и за осквернение (закрытие) церкви. Советская антирелигиозная кампания породила немало текстов о том, что разрушители храмов или уничтожители священных предметов карались смертью либо увечьями (см. об этом: [31, 32]). Сам же мотив наказания святотатцев является устойчивым и встречается в различных религиозных и этнических традициях.

Во втором и третьем примерах появляется новое «преступление» против Бога – принадлежность к коммунистам / вступление в колхоз. Понятно, что путем логических построений можно объяснить, какие именно грехи приписываются коммунистам и колхозникам – участие в разрушении церквей, несоблюдение мусульманских или христианских обрядов и т.п., но тем не менее такое умолчание кажется достаточно значимым, превращающим наименования «коммунист» и «колхозник» в синонимы слова «грешник». Представители или даже просто сторонники новой власти противопоставляются верующим, оказываются включенными в оппозицию «свой / чужой».

В ситуации крайнего разочарования в организационной эффективности советской власти в ее адрес звучали угрозы, призывающие «кары небесные» (и оттого метеорологические). Так, во время «продовольственных затруднений» 1932 г. в дальневосточных колхозах, как фиксирует спецсправка секретно-политического отдела ОГПУ СССР, звучали такие антиколхозные высказывания: «Хоть бы гром такой ударил, чтобы провалилась эта власть. Вот бы было хорошо, чтобы эти мерзавцы коммунисты сели бы в лужу, тогда они поменьше вдали» [33].

Идея божьего наказания активных последователей советской власти, воплощающих в жизнь ее мероприятия, входит в комплекс эсхатологических представлений периода коллективизации, когда радикальное изменение социально-экономических условий существования сельского сообщества в тесном взаимодействии с антирелигиозной пропагандой воспринималось многими верующими как крушение привычного мира и начало конца света, советское государство объявлялось царством антихриста, а любые мероприятия власти провозглашались небогоугодными (см. об этом подробнее: [34, 35]).

Анализ имеющихся источников позволяет на материале народной метеорологии говорить о сосуществовании в советской деревне 1920–1930-х гг. нескольких форм взаимодействия (диалога) с властью.

Во-первых, сохраняются традиционные ритуальные практики при игнорировании социополитических изменений и при отсутствии диалога с новой властью (действия совершаются без согласования с администрацией любого уровня):

[Одесская область, 1932 г.] «В колхозе “Призыв Ильича” колхозницы выкопали гроб самоубийцы и полили его водой, а так как на следующий день пошел дождь, то колхозницы стали проводить агитацию религиозного характера» [36].

Д.К. Зеленин объяснял такой способ борьбы с засухой тем, что обливание замещает перенесение трупа во влажное пространство. Земля не принимает нечистого покойника, в то время как вода считается местом обитания всевозможной нечисти – следовательно, заложному покойнику естественно находиться в одном месте с другими демоническими существами. Вода также представляет собой препятствие для душ умерших, следовательно, поместить покойника в воду – значит затруднить ему возможность вернуться и навредить живым. Наконец, поливание как трупов, так и людей – это проявление имитативной магии вызывания дождя [37].

Любопытную замену могилы заложного покойника могилой коммунистов можно найти в рассказе Н. Степ, по уверениям автора, основанном на дневниковых записях ее бабушки о Тамбовщине 1920-х гг.: «В 1925 году я, приехав в Алексеевку из Московской области, пошла на кладбище и обнаружила, что какие-то изуверы залили могилу водой и вбили осиновый кол (от засухи)» [38]. Этот пример вписывается в рассмотренную выше семантическую парадигму *коммунист – грешник – демонический персонаж*, причем описанные действия направлены не только на борьбу с засухой, но также на нейтрализацию «неправильного» покойника, предотвращение его посмертной негативной активности.

Обеспокоенность новой власти устойчивостью традиционных практик выливалась в обличительные статьи, перечисляющие случаи «вопиющего суеверия» и требующие немедленно прекратить это. В журнале «Безбожник у станка», например, порицались «благочестивые кооператоры», которые, прослушав лекцию агронома, послали за священником, чтобы окропить поля [39], или же священник, во время засухи предложивший пронести по полям «Плакующую Богородицу» – «статую женщины из мастики, с короной на голове» [40].

Во-вторых, происходит приспособление традиционных форм к новой общественно-политической ситуации, когда учитывается появление новых властных структур и с ними согласовываются обрядовые действия при сохранении изначальных функций и структуры последних. Это дает «внешнюю видимость» диалога:

[Северный Кавказ, 1934 г.] «Быв. белогвардейцы Демин, Безсонов и Мальцев явились в стан[ичный] совет и просили разрешения устроить молебен “о даровании дождя”» [41].

Наконец, осуществляется трансформация традиционных форм через включение новых реалий в обрядовые тексты (изменение интерпретаций, нетрадиционные действующие лица и т.п.) и активное взаимодействие традиции и власти:

[Северный Кавказ, 1932 г.] «Председатель [колхоза] Дауров (кандидат ВКП(б)) и председатель сельсовета – быв. мулла, на колхозные средства отремонтировали межгет: на следующий день их жены организовали “черный курман”, во время которого председателя сельсовета обливали водой, “чтобы пошел дождь”» [42].

Представитель новой администрации, включенный в имитативный магический обряд, может выступать, с одной стороны, в качестве высокостатусной персоны, воздействие на которую влечет за собой последствия, важные для всего сообщества, с другой – в качестве полудемонического существа, которое необходимо нейтрализовать для восстановления благополучного миропорядка (по аналогии с обрядами, направленными на носителей духовной или светской власти либо на заложных покойников или людей с демоническими свойствами).

[Западная область, 1929 г.] «Близ дер. Семилович Рогнединского рика, Рославльского окр., Западной обл., на поле ходит огненный мяч¹, величиной с футбольный мяч [...].

¹ Вероятно, речь идет о шаровой молнии.

Но меня поражает то, что это случилось не над крестьянской землей, а над артельской землей, где только закончилось землеустройство землемером Греновским. Вот почему это поразило граждан дер. Семилович» [43].

Здесь необычное природное явление (имеющее скорее негативную, чем позитивную окраску) связывают с хозяйственным нововведением – выделением земли сельскохозяйственной артели. Таким образом, совпадение событий во времени служит поводом установить между ними причинно-следственную связь.

В изменении метеорологических обрядов в советское время можно было бы видеть искажение «древней», «исконной» традиции, однако более разумным кажется расценивать нововведения как проявления естественного развития продуктивной фольклорной формы, предполагающего включение в устойчивые модели новых социально-политических реалий.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование»).

Примечания

1. Берелович А., Данилов В. Документы ВЧК-ОГПУ-НКВД о советской деревне (1918–1939 гг.) // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 7–22.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999–2006.
3. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). Т. 1–9 / под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Институт российской истории РАН, 2001–2013.
4. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокращения: документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 1998. 749 с.
5. Тренин Б.П. 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. 432 с.
6. Берелович А., Данилов В. Указ. соч. С. 8.
7. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России в 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27.
8. Калинина Ю.В. Политотделы в системе политического контроля на Балтийском флоте: 1919–1921: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2007. С. 12–13.
9. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 516–539.
10. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108.
11. Архипова А.С. Последний «царь-избавитель»: Советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Антропологический форум. 2012. № 12. Online. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf (дата обращения: 07.03.2015).
12. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 1104 с.
13. Толстая С.М. Метеорология // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 248–252.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1898–1925. Изд. 7-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 859.
15. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 1. С. 30.
16. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 4. С. 27.
17. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 213.
18. Вызов // Безбожник у станка. 1925. № 6. С. 14.
19. Костомаров М.И. Слов'янська міфологія / упоряд., приміт. І.П. Бетко, А.М. Полотай. К.: Либідь, 1994. С. 105.
20. У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой и Г.И. Кабаковой. М.: Форум; Неолит, 2014. С. 179.
21. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994. С. 187–207.

22. Давиденко Г.С. Политически неблагонадежный (автобиографическая повесть) / публикация Н. Орленко // Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublished/?t=davidenko> (дата обращения 15.01.2015).
23. Викторенко И.С. Страшные годы // Эхо массовых политических репрессий: Судьбы людские / сост. В.М. Гринев, Т.В. Гринева. Астана: Ассоц. жертв незакон. репрессий г. Астана и Акмол. обл., 2005. С. 163.
24. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. 1932–1934... М.: РОССПЭН, 2005. С. 578.
25. Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 98.
26. Рязанская деревня в 1929–1930 гг... С. 561.
27. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. 1923–1929... М.: РОССПЭН, 2000. С. 204–205.
28. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 2. С. 121–122.
29. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 577.
30. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 579.
31. Мороз А.Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.
32. Штырков С.А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области: пословицы и поговорки, загадки, приметы и поверья, дет. фольклор, эсхатология: по записям 1963–2002 гг. СПб.: Тропа Троянова, 2006. Вып. 3. С. 208–230.
33. Голод в СССР. 1929–1934. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. / отв. сост. В.В. Кондрашин. Кн. 2. М.: МФД, 2011. Док. 507. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017509> (дата обращения 04.02.2015).
34. Бессонов И.А. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3. С. 23–25.
35. Петрова Н.С. Сезонная активность антихриста (Эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929–1930-м гг.) // Фольклористика. Антропология. Социоллингвистика: сб. тезисов конференции студентов и аспирантов (22–24 марта 2012 г.). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 74–77. URL: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf (дата обращения 15.01.2015).
36. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т.3. Ч. 2. С. 578.
37. Зеленин Д.К. Обливание могил заложных водою // Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. С. 112–114.
38. Степ Н. Подкова. URL: <http://www.proza.ru/2013/05/09/87> (дата обращения 03.02.2015).
39. Зритель. Благочестивые кооператоры // Безбожник у станка. 1925. № 2. С. 29.
40. Савонин А. Плакущая богородица // Безбожник. 1924. С. 23.
41. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т.3. Ч. 2. С. 577.
42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т. 3. Ч. 2. С. 579.
43. Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1930 годы. М.: Звонница, 2002. С. 99.

References

1. Berelovich A., Danilov V. Dokumenty VChK-OGPU-NKVD o sovetskoy derevne (1918–1939 gg.) // Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. Т. 1. 1918–1922 / pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. М.: ROSSPEN, 2000. S. 7–22.
2. Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. / pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. М.: ROSSPEN, 1999–2006.
3. “Sovershenno sekretno”: Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gody). Т. 1–9 / pod red. G.N. Sevast’yanova. М.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2001–2013.
4. Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg. Khronika golovokruzheniya: dokumenty i materialy / otv. red.-sost. L. Viola, S.V. Zhuravlev i dr. М.: ROSSPEN, 1998. 749 s.
5. Trenin B.P. 1936–1937 gg. Konveyer NKVD: Iz khroniki “bol’shogo terror” na tomskoy zemle. Tomsk; М.: Vodoley Publishers, 2004. 432 s.
6. Berelovich A., Danilov V. Ukaz. soch. S. 8.
7. Livshin A.Ya. Nastroyeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii v 1917–1932 gg. М.: ROSSPEN, 2010. S. 27.
8. Kalinina Yu.V. Politotdely v sisteme politicheskogo kontrolya na Baltiyskom flote: 1919–1921: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskiy institut istorii RAN, 2007. S. 12–13.

9. Ivanova T.G. Istoriya russkoy fol'kloristiki 20 veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2009. S. 516–539.
10. Arkhipova A.S., Neklyudov S.Yu. Fol'klor i vlast' v "zakrytom obshchestve" // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. № 101. S. 84–108.
11. Arkhipova A.S. Posledniy "tsar'-izbavitel'": Sovetskaya mifologiya i fol'klor 20–30-kh gg. XX v. // *Antropologicheskii forum*. 2012. № 12. Online. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf (data obrashcheniya 07.03.2015).
12. Mel'nichenko M. *Sovetskii anekdot (Ukazatel' syuzhetov)*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 1104 s.
13. Tolstaya S.M. *Meteorologiya // Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004. S. 248–252.
14. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuzav rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. Chast' I. 1898–1925. Izd. 7-e. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury*, 1953. S. 859.
15. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 1. S. 30.*
16. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 4. S. 27.*
17. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. T. 1. S. 213.
18. *Vyzov // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 6. S. 14.*
19. Kostomarov M.I. *Slov'yans'ka mifologiya / uporyad., primit. I.P. Betko, A.M. Polotay. K.: Libid'*, 1994. S. 105.
20. *U istokov mira. Russkie etnologicheskie skazki i legendy / sost. i komment. O.V. Belovoy i G.I. Kabakovoy. M.: Forum; Neolit*, 2014. S. 179.
21. Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila*. SPb: Poliset, 1994. S. 187–207.
22. Davidenko G.S. *Politicheski neblagonadezhnyy (avtobiograficheskaya povest') / publikatsiya N. Orlenko // Sakharovskiy tsentr*. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublished/?t=davidenko> (data obrashcheniya 15.01.2015).
23. Viktorenko I.S. *Strashnye gody // Ekho massovykh politicheskikh repressiy: Sud'by lyudskie / sost. V.M. Grinev, T.V. Grineva. Astana: Assots. zhertv nezakon. repressiy g. Astana i Akmol. obl.*, 2005. S. 163.
24. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. 1932–1934... M.: ROSSPEN*, 2005. S. 578.
25. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Zametki po slavyanskomu yazychestvu. 2. Vyzyvanie dozhdya v Poles'e // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor*. M.: Nauka, 1978. S. 98.
26. *Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg... S. 561.*
27. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 2. 1923–1929... M.: ROSSPEN*, 2000. S. 204–205.
28. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 2. S. 121–122.*
29. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. S. 577.*
30. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T. 3. Ch. 2. S. 579.*
31. Moroz A.B. *Ustnaya istoriya russkoy tserkvi v sovetskiiy period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvey) // Uchenye zapiski Rossiyskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*. 2000. Vyp. 6. S. 177–185.
32. Shtyrkov S.A. *Rasskazy ob oskvernenii svyatyn' // Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti: poslovitsy i pogovorki, zagadki, primety i pover'ya, det. fol'klor, eskhatologiya: po zapisyam 1963–2002 gg. SPb.: Tropa Troyanova*, 2006. Vyp. 3. S. 208–230.
33. *Golod v SSSR. 1929–1934. T. 1: 1929 – iyul' 1932: v 2 kn. / otv. sost. V.V. Kondrashin. Kn. 2. M.: MFD*, 2011. Dok. 507. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017509> (data obrashcheniya 04.02.2015).
34. Bessonov I.A. *Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniya // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2009. № 3. S. 23–25.
35. Petrova N.S. *Sezonnaya aktivnost' antikhrista (Eskhatologicheskie nastroyeniya v Ryazanskom okruge v 1929–1930-m gg.) // Fol'kloristika. Antropologiya. Sotsiolingvistika: sb. tezisov konferentsii studentov i aspirantov (22–24 marta 2012 g.)*. SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2012. S. 74–77. URL: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf (data obrashcheniya 15.01.2015).
36. *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... T.3. Ch. 2. S. 578.*
37. Zelenin D.K. *Oblivan'e mogil zalozhnykh vodoyu // Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki*. M.: Indrik, 1995. S. 112–114.
38. Step N. *Podkova*. URL: <http://www.proza.ru/2013/05/09/87> (data obrashcheniya 03.02.2015).
39. *Zritel'. Blagochestivye kooperatory // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 2. S. 29.*
40. Savonin A. *Plakushchaya bogoroditsa // Bezbozhnik. 1924. S. 23.*

41. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... Т.3. Ch. 2. S. 577.
42. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD... Т. 3. Ch. 2. S. 579.
43. Teptsov N.V. V dni velikogo pereloma. Istoriya kollektivizatsii, raskulachivaniya i krest'yanskoy ssylki v Rossii (SSSR) po pis'mam i vospominaniyam. 1929–1930 gody. M.: Zvonitsa, 2002. S. 99.

УДК 398.3

**Информационные сводки органов политического надзора
как источник для изучения актуального фольклора
(на примере метеорологической магии 1920–1930-х гг.)**

Наталья Сергеевна Петрова

Центр типологии и семиотики фольклора
Российского государственного гуманитарного
университета, Российская Федерация
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6, каб. 168
E-mail: pena.talya@gmail.com

Аннотация. В статье на материале информационных сводок партийных органов и ВЧК-ОГПУ-НКВД и мемуаров 1920–1930-х гг. рассматриваются тексты, содержащие описания обрядов метеорологической магии (совершаемых с целью воздействия на погоду) в советской деревне. Проводится сравнительный анализ данных практик и дореволюционной традиции и выявляются изменения, произошедшие в связи со сменой социополитического контекста.

Ключевые слова: сводки; народная метеорология; советский фольклор; власть и общество.